

Гарегин Нжде: миф и реальность. Часть 1.

АШОТ АБГАРЯН

ГАРЕГИН НЖДЕ

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

ЧАСТЬ 1

POLITSTURM.COM

2018-09-05

31 мин. на чтение

Обычно читатель, имеющий твёрдое предрасположение к тому или иному историческому герою, с легкостью верит тем фактам и информации, даже если они фальшивые и недостоверные, которые не приводят к внутреннему конфликту с его уже сформировавшимися убеждениями и отношениями. Условно назовём такую позицию «комплекс черного кефира»: та реальность, те непроверяемые факты, которые могут расшатать иллюзии человека с таким комплексом, что, так сказать, ему не по душе и пугает его безжалостной правдой, сразу же могут быть им отвергнуты и отброшены прочь. Он всё равно будет упрямо цепляться за свой самообман, даже если все факты против этого.

Эта история не для тех, кто боится признать и принять факт, который своим существованием грозит вызвать у них разочарование. И наоборот, эта история для тех, кто даже спустя долгие годы агрессивной, невежественной и вредной «патриотической» пропаганды пока что окончательно не утратили способности логически рассуждать и беспристрастно анализировать, для кого не потерять самоуважение важнее, чем демонстрировать показную и ложную приверженность к сшитой из лживых заплат пропаганде образа «героя». Для тех, кто способен на пусть даже болезненную, но переоценку своего мнения и понимание, что кефир, однако, белый, не боится признаться в этом и готов к этому.

Мы понимаем, что этот рассказ и представленные в нём архивные документы могут подорвать прочно укоренившуюся в нас «героическую» репутацию Нжде; понимаем, что изумлённый читатель автоматически может задать вопрос: «Почему это я должен верить всяким «КГБ-шным» бумажкам, возможно, что они подделаны, ведь такое тоже бывает?» Да, бывает, именно поэтому мы сами себе задали подобный вопрос и не один раз; предоставляемые на ваш суд документы изучили, как говорится, «под микроскопом», в течение длительного времени.

С самым тщательным вниманием попытались найти в этих документах уязвимые и подозрительные стороны, любое слово, любое логическое или фактическое противоречие, которое позволило бы нам сказать, что чекисты всё это подделали; сравнили протоколы допросов Нжде с его тюремными записями и письмами, в итоге мы с чистой совестью вам говорим: ничто не подделано. Так же изучили самые невероятные и смехотворные гипотезы, дабы убедиться, что имеющиеся архивные данные не могут быть «сфальсифицированными и сфабрикованными», что советская служба госбезопасности в данном случае такой необходимости не имела, если бы было нужно, конечно, они могли подделать то, что им требовалось.

Однако в ситуации всех так называемых «сфабрикованных» дел существовали цели и мотивы для мошенничества, всегда можно без труда разгадать логику фальсификации, всегда можно ответить на вопрос: «Для чего это сделали?» В деле Нжде вопрос «для чего?» не имеет ответа, именно по той причине, что ничто не сфабриковано, в гипотезе о том, что дело Нжде сфабриковано, нет никакой логики. Скажем, любого невинного и ничего не подозревающего земледельца следует обвинить в поддержке «троцкистской группы врагов народа», кого-нибудь другого нужно обвинить в «антисоветской шпионской деятельности», так нужно, это означает, что от обвиняемых должны были попытаться получить «признание», при помощи пыток или нет, всё равно –

такое «признание» должно было появиться в деле, и так бывало.

В подобных случаях показания обвиняемого должны были сфабриковать так, чтобы в них не было логического противоречия с представленными обвинениями, чтобы «преступление» обвиняемого было очевидно в этих свидетельствах, даже если обвинение неубедительно. А могли бы кого-нибудь осудить без сфальсифицированных показаний? И это могли, «признание» или «отказ» обвиняемого, естественно, не может иметь существенного значения, отметим, в свидетельствах нет ни одного сфабрикованного признания, но человека могли расстрелять.

Именно это означает, что фальсификация показаний необязательна, поэтому их могут оставить такими, какие они есть, в них должно быть именно то, что сказал обвиняемый. Если он отрицает предъявленные ему обвинения в преступлении, то в показаниях записывается это «отрицание». И если оно записано, так что ещё должно быть подделано в показаниях обвиняемого, подчеркиваем, в показаниях обвиняемого? В этом случае, может быть сфабриковано обвинение, могут быть сфабрикованы доказательства, показания свидетелей, но не «отказные» показания обвиняемого, потому что фабрикация «признания» логически объяснима, а для чего нужна фабрикация «отказа»? Во всех сфальсифицированных делах была цель фальсификации, была задача, в фальсифицировании была логика.

У предположения о фальсификации дела Нжде, как уже было сказано, нет разумного объяснения, для «фабрикации» его показаний не было потребности, потому что не было цели, не было задачи, не было необходимости. Мы снова вернёмся к этому вопросу в конце нашей истории, более подробно обсудим отдельные детали, когда читатель уже будет знаком с фактами и документами. Ну что же, давайте прямо сейчас познакомимся с ними...

Гарегин Нжде в октябре 1944 года был арестован в Софии (Болгария) советской военной контрразведкой и болгарской народной милицией, вскоре оттуда он был перевезён в СССР. В 1946 году для проведения следственных действий на некоторое время Нжде доставляют в Ереван. 24 апреля 1948 года он был приговорен к 25 годам лишения свободы за антисоветскую деятельность и сотрудничество с немецкими нацистами. Умер в тюрьме города Владимир в 1955 году в возрасте около 70-ти лет.

После ареста Нжде предлагает свои услуги советским органам государственной безопасности. Каково было его желание и каковы реальные мотивы и логика поведения, попробуем понять с помощью заслуживающих доверия архивных документов. С этой точки зрения лучше начать рассказ с письма Нжде и его сокамерника, дашнака Ованеса Деведжяна, адресованного Симону Врацяну. Нжде и Деведжян с 1952-го по 1953 годы находились в ереванской тюрьме государственной безопасности.

Письмо Гарегина Нжде и Ованеса Деведжяна Симону Врацяну: первую часть письма написал Нжде, затем его продолжил Деведжян (это письмо так и не было отправлено адресату, так как руководство КГБ СССР по тем или иным причинам отказалось от возможности при посредничестве Нжде вступить в контакт с партией Дашнакцутюн).

«Дорогой Симон! Знаю, что ты, узнав мой почерк, можешь волноваться: жив ли Нжде? Это правда? Да, мой голос слышен не из могилы, а из тюрьмы, где мне суждено влачить безропотное существование, между жизнью и смертью... Слушай же, почему и как это случилось. Осенью 1944-го, когда Красная Армия была уже в Румынии, тысячи людей ударились в бега, боясь политического преследования. Я остался в Болгарии, несмотря на то, что у меня были

превосходные возможности в любое время уехать в любую страну. Я остался, потому что должен был остаться. Остался, потому что, как и другие, считал, что Красная Армия двинется на Турцию, тем самым претворяя в жизнь нашу национальную мечту. Так же была мучительная мысль, что мой отъезд может стать причиной ареста многих людей. Скажу ещё: я был уверен, что моего рыцарственно-патриотического шага (то, что я не уехал) было бы достаточно, дабы заставить советские власти забыть моё антисоветское прошлое. Вот основные мотивы, побудившие меня остаться. К сожалению, Красная Армия не двинулась в сторону Турции. Именно это стало моей трагедией. Уважаемый, ты знаешь, что в моей жизни у печали и радости только одно имя – Армения. Когда на заре своей жизни я не смог умереть за армянскую землю, я решил умереть как мученик этой идеи. Таково было моё состояние, когда неожиданно появился Ованес Деведжян. Его привезли в ту же тюрьму и в ту же камеру, где был я. Ты знаешь, что мы на протяжении лет обижали и ранили друг друга. Глубокие страдания ставят человека в противоречие с истиной. Достаточно было того, что мы увидели слёзы радости в глазах друг у друга, чтобы молча помириться и стать братьями. Мы стали размышлять. Находясь перед опасностью новой мировой войны, которая может иметь непоправимые последствия для нашего народа, мы думали и беспокоились. Мы не знаем, что будет завтра... Тебе известно, что в своё время турки попробовали своими силами уничтожить армянский народ и армянский вопрос как таковой. Сейчас они пытаются осуществить программу уничтожения армянского народа своими и чужими руками. Верно, оборонительные силы Армении велики и возможности Советского Союза неисчерпаемы. Тем не менее, принимая во внимание текущую позицию Турции, её ненависть к армянам и то обстоятельство, что первый раз в истории интересы христианского Запада и Турции совпадают, – всё это даёт серьёзные основания для глубокого беспокойства о судьбе нашего народа. Знай, турки для антисоветских ВВС будут играть роль «направляющих» и своим христианским союзникам укажут, какие захотят, объекты и направления. При помощи провокаций и всевозможного обмана они настроят своих союзников против Армении и армян. Сегодня, при наличии множества протурецких сил, какая есть гарантия, что турки не повторят свои преступления? Что нужно сделать, чтобы в случае войны, приняв во внимание факт беспрецедентной трагедии нашего народа во время Первой мировой и его нынешнюю исключительную ситуацию, Армения не подверглась ядерным бомбардировкам? Для продолжения письма передаю слово Ованесу».

Ованес Деведжян – сирийский армянин, адвокат, был одним из видных деятелей партии Дашнакцутюн, в 1919-1921 годах жил в Ереване. Был активным организатором февральского бунта. После подавления бунта переместился в Зангезур. Здесь он становится министром юстиции и просвещения в беглом правительстве Врацяна. Покинув Зангезур, живёт сначала в Болгарии, затем в Румынии. В годы Второй мировой войны был ближайшим помощником Дро, в диаспоре был активным сторонником немецких нацистов.

После войны ему удавалось некоторое время скрываться, но в апреле 1947-го он был обнаружен в Румынии и переправлен в Москву, а оттуда в Ереван.

Выписка из заявления, сделанного старшим следователем КГБ Армянской ССР лейтенантом Хачатрянном (уже после досрочного освобождения Деведжяна – А.А.):

«Во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) Деведжян, будучи за рубежом, проводил антисоветскую профашистскую пропаганду. Имел связи с главой немецких разведывательных органов и с лидером партии Дашнакцутюн Канаян Дро. В это же время был членом организованного немцами «Политического совета» дашнакской партии... Деведжян признал себя

виновным в предъявленных ему обвинениях, отрицает связи с Германским разведывательным управлением и с лидером партии Дашнакцутюн Канаян Дро. Преступление было подтверждено как в показаниях известного деятеля АРФ Дашнакцутюн Г. Е. Тер-Арутюняна (Нжде) и А. Сируни, так и в материалах госархива и личных записях Деведжяна, которые были приложены к делу...».

В июне 1948 года Деведжян приговаривается к 20-ти годам лишения свободы. Находился в одной камере с Нжде. В 1955 году был досрочно освобождён и уехал в Аргентину.

«Уважаемый, (теперь продолжает Ованес Деведжян - А.А) патриоты обращаются к патриоту исключительно с патриотическим делом. Мы считаем, что необходимо объединить армян из-за рубежа в борьбе за мир, против войны. Именно такой линии поведения от нас требует наше не столь далёкое кровавое прошлое, когда половина армянского народа пала жертвой от турецкого ятагана. Можно предпринять ряд шагов для борьбы за мир. В частности, армянская интеллигенция в Европе может обратиться во все европейские академии с призывом спасти десятки тысяч рукописей, хранящихся в Армении, чья общечеловеческая ценность известна в научных кругах. Не менее, возможно, более важно поведение зарубежных армян по отношению к Армении во время войны, когда безответственные элементы своими действиями могут принести мучения армянскому народу, если никто их не приструнит. Но не будем излишне переживать. Особенно важно, чтобы ты и тебе подобные патриоты уже отныне начали активно поддерживать свою родину, оставив в стороне наши политические разногласия с большевиками, потому что родине угрожает большая опасность. Пользуясь случаем, хочу заявить, что нам, как политическим оппозиционерам, которые не верили всему тому, что говорилось о нынешней Армении через советскую прессу, кино или радио, дали возможность, будучи заключёнными в тюрьму, увидеть своими глазами Ереван. То, что мы увидели, беспрецедентно и вызывает у тех, кто это видел, уважение и восхищение к армянскому народу, за его строительный гений и созидательный труд. Народ, который при советской власти получил возможность продемонстрировать свои способности. Всё это, конечно, было бы немыслимо без братской помощи великого русского народа и без политической безопасности, имеющей место быть в нашей стране. Если к этому добавим, что только русский народ может желать объединения армянского народа в единой Армении, то станет ясно, почему каждый армянин в минуту опасности должен быть со своей родиной. Находясь в тюрьме, мы будем чувствовать себя спокойнее, если получим твоё уверение в том, что выполнишь свой долг по отношению к Армении как армянин и как патриот. Мы подчёркиваем конфиденциальность нашего письма и просим с помощью того же человека сообщить нам о своём отношении».

12 марта 1953 год, город Ереван

Гарегин Нжде, Ованес Деведжян.

Как уже было сказано, по неизвестной нам причине письмо так и не отправили адресату. Прошло всего несколько дней с момента смерти Сталина, всех, включая политическое руководство страны, охватило чувство неопределённости и ожидания предстоящих изменений. В таких условиях государственные органы безопасности имели более серьёзные дела, чем при посредничестве Нжде вступать в сделку с партией Дашнакцутюн. Скорее всего, данный вопрос утратил свою важность в новых условиях. Однако это письмо интересно как исторический документ, который показывает неисправимую наивность либо примитивную хитрость его авторов.

Желания сторон, конечно, разнились. Советский КГБ не скрывал своей цели при помощи Нжде предложить выгодную сделку партии Дашнакцутюн,

уговорить её прекратить антисоветскую пропаганду и переориентироваться на путь сотрудничества с советскими властями. По совету Нжде, участником этой программы сделали и Деведжяна, как личность, вызывающую больше доверия со стороны Симона Врацяна, чем Нжде, с учётом холодного и колючего отношения к Нжде со стороны как партии Дашнакцутюн, так и Врацяна. Теперь вернёмся немного назад, для того чтобы понять происхождение такого отношения, которое берёт начало в 1921 году.

Рассказывает бывший министр финансов Первой Армянской Республики Г.Джагитян:

«Дашнаки, бежавшие из Еревана, взяли с собой из Государственного банка Армении и казначейства драмы, золото и иностранную валюту. Как при отступлении, так и в Зангезуре, не оказывая никакой помощи охваченному паникой народу и солдатам, они впустую тратили государственные прибыли согласно своим капризам. Как внутри страны, так и здесь – в Тебризе, всё это вызвало невыразимый гнев...».

Сей «невыразимый гнев» также охватил Нжде и его солдат. В бюллетене Чрезвычайного Комитета читаем:

«За несколько дней до отъезда Врацяна член правительства Деведжян смог завоевать доверие Нжде... Нжде показал ему все свои документы..., которые доказывали преступления и злоупотребления, совершённые Врацяном и другими министрами. Деведжян известил об этом Врацяна и вместе с ним уехал. Нжде был обманут: несмотря на обещания Деведжяна, Врацян не взял его с собой, и, что важно, Нжде остался без средств существования... Всё это настроило Нжде против Врацяна, правительства и Центрального бюро. Нжде именовал их негодяями и подлецами, во время разговоров с близкими людьми говорил, что хотел бы увидеть партию Дашнакцутюн окончательно уничтоженной. Он не скрывал, что если бы Советская Армения дала социалистическое обещание, что не будет его преследовать, то он бы пожелал вернуться в Армению и жить в Эчмиадзине. Но больше всего он хотел последовать вслед за Врацяном за рубеж и не позволить, чтобы тот обливал его грязью...».

А хитрый и дальновидный Врацян понимал, что без этих денег он всего лишь проигравший беженец, – подобные люди, презираемые окружающими, скитаются по всему свету.

Это были те деньги и золото, которые связывали с Врацяном опозоренных наёмных «патриотов» из партии Дашнакцутюн, голодные и голые массы, и всех их делали его покорными прислужниками.

Про эти времена Нжде, будучи в тюрьме, написал так:

«1921 год, на следующий день после ухода из Зангезура, на персидском берегу Аракса я позволил себе «бестактность», наказав двух дашнакских министров – Акоба Тер-Акобяна и Ефрема Саргсяна, которые также являлись членами Высшего органа. Спустя несколько дней после этого происшествия я получил письмо от С. Врацяна, он писал: «Ты брось эти свои андраникские штучки! Андраник тоже себя так вёл, как и ты, а теперь он беспомощно скитается по Европе. Партия связала с тобой определённые надежды. Слушай своих старых друзей, а если нет – плохо тебе будет. Я знаю только, что люди с большим трудом поднимаются, в течение многих лет, но тонут в одно мгновение». В день получения этого письма, я глубоко пожалел о том, что отхлестал тех двух членов Высшего органа вместо того, чтобы пристрелить их. В тот же день я почувствовал, что покинул партию Дашнакцутюн... Свой политический курс партия Дашнакцутюн не согласовывала с положением

армянского народа. С преступной небрежностью партия Дашнакцутюн игнорировала опасности, угрожающие нашему народу... Многие её члены были убеждены, что идея показной независимости Армении может стать её надгробным камнем. Они это знали, но до сих пор партийность как самоцель и партийный эгоизм не позволяют руководству партии Дашнакцутюн установить разумные взаимоотношения с советскими властями... Перед партией Дашнакцутюн сейчас стоит дилемма, с кем ей быть – с турками или с великим русским народом? Партия будет предательницей, если решительно не ответит: «С русскими против турок!». Именно такого политического решения требуют от нас как наше национальное и человеческое достоинство, так и интересы физического существования армянского народа... Сейчас Дашнакцутюн – умирающее явление. Её существование больше не требуется, бесполезно и нелогично. Она находится в противоречии с нынешней эпохой. Она должна исчезнуть. С осознанием всего этого я покинул партию Дашнакцутюн».

Мы не будем комментировать рассуждения Нжде о партии Дашнакцутюн и обвинения, выдвинутые против «старых друзей», во многих отношениях они справедливы и уместны.

Но несправедливо, что Нжде, притворяясь невинным, пытается всему этому придать некий оттенок «объективной оценки стороннего наблюдателя», как будто он никогда никакой связи со всем этим не имел, будто бы он не имел доли в этих ошибках и грехах. В статьях и записках Нжде нам так и не удалось найти, пусть бы опоздавшее, слово осуждения или хотя бы узнать отношение «рыцаря патриота» к Александропольскому договору, превратившему Армению в коврик для ног турок, к принесшему новые бедствия в окровавленную страну «Комитету спасения» и его февральскому преступлению (которое произошло не без деятельной поддержки Нжде), и, наконец, к позорной телеграмме Врацяна о сдаче Еревана туркам.

Во время всех этих событий Нжде вёл активную переписку с Симоном Врацяном, был его сторонником и помощником. Прочитаем ещё раз: «Перед партией Дашнакцутюн сейчас стоит дилемма, с кем ей быть – с турками или с великим русским народом? Партия будет предательницей, если решительно не ответит: «С русскими, против турок!». Это пишет Нжде, и он прав, но была ли эта дилемма новой, только «сейчас» и неожиданно возникшей? Разве не было этой дилеммы, когда Армения стала советской? До этого поведение Нжде ещё можно было понять и удостоить похвалы и одобрения его упорство в Зангезуре, но потом... Не был ли Нжде с теми, кто в Александрополе и после него дали противоположный ответ на стоящую дилемму: «С турками, против русских!», вместе со всеми этими врацьянами и рубенами, вместе с их «Комитетом спасения»?.. Именно об этом он благоразумно «забывает».

В действительности расхождения и споры Нжде с шефами Дашнакцутюн не происходили «на принципиальной и идейной почве», как он пытается в этом убедить. В их основе лежали неутолимые амбиции Нжде быть «единственным лидером» и его патологическое тщеславие. Однако же в трудную минуту «Хуступский орёл» с лёгким сердцем мог забыть всевозможные «принципиальные разногласия», без глубоких и видимых переживаний мог честолюбие принести в жертву целесообразности, мог сойти со своего «рыцарского величия» на грешную землю, приспособиться к новой ситуации, стать услужливым, быть льстивым, смиренным и скромным, надеясь и ожидая очередной благосклонности судьбы. Таким он был в Зангезуре, когда слал увещевания в дружбе туркам, таким был, когда вновь вернулся в кормящие объятия Дашнакцутюн, таким был в тюрьме, когда давал советским властям «исповедь запоздалой любви»: «Для цегакрона великий русский народ является единственным естественным союзником армян. Для него нет «армений», но есть Армения. Армения сегодня советская, это значит что, в

соответствии с законами исторического развития, это могло быть только так...» или «...турки, которые мечтали видеть все тюркские племена под своей крышей, никогда не смогут быть вместе с Советским Союзом, по той же причине армянский народ не может жить в условиях государственности без сильного друга – русского народа».

В 1925 году Нжде снова просит восстановить его в партии Дашнакцутюн, в то время у него еще не было достаточного признания и влияния в диаспоре, средства к существованию были скудными. Для партии Дашнакцутюн это был сложный период, партия была деморализована, скомпрометирована и расколота из-за внутренних раздоров. Про атмосферу, царившую в то время в диаспоре, пишет Забел Есоян (Չաբէլ Էսոյան):

«Позор Лозаннской конференции нанёс последний удар по тем, кто своими обманчивыми заверениями мог держать общественное мнение в колебании... Больше нет людей, кроме их лакеев, что верили бы их словам, доклады различных героев будут слушать с ироничными замечаниями, усилия врацян, рубенов и хатисянов, направленные на то, чтобы расположить к себе хотя бы часть молодёжи, прошли напрасно. Но эти настроения разбросаны, неопределённые и бессвязны, и благодаря тому, что недовольства эти не сформулированы, другие посчитают их, само собой, не принимаемыми в расчёт недовольствами».

Нужно было спешить воспользоваться этими «разбросанными и неопределёнными настроениями», пока диаспора была в замешательстве. Вот когда украденные из Армении деньги и золото были введены в действие. Тихо-тихо Симон Врацян и его лакеи взяли в свои руки национальные институты диаспоры, школу, прессу. Нжде снова понадобился Дашнакцутюн и в свою очередь – Дашнакцутюн вновь понадобилась Нжде, для нахождения своего места в диаспоре.

Партийная пропагандистская машина опять возвысила его для введения диаспоры в заблуждение, используя как символ его имя, как образ непоколебимого дашнакцакана, который под руководством родной партии с неописуемым мужеством сопротивлялся большевикам-захватчикам для сохранения последнего клочка независимой родины. Он – Нжде – с удовольствием поощрял распространение мифов о своих «легендарных подвигах», не считал ниже своего достоинства заказывать статьи о своих «бессмертных деяниях» в прессе диаспоры. Ранее он уже продиктовал свою историю «героической борьбы» румынскому армянину Вардану Геворкяну, который издал книгу под красноречивым названием «Героизм в горной Армении». Казалось, что он сам уже начинал верить в «особенную личную историческую миссию».

Не осведомлённая о жизни и событиях в Советской Армении диаспора была в процессе смены поколений, в дело промывки мозгов и перетягивания на сторону Дашнакцутюн этого нового поколения влился Нжде вместе с партией. Именно этой цели должны были служить так называемые «заветы цегакрона». Но прошли годы, и имя Нжде, не без помощи Дашнакцутюн, стало известным, а успешный брак с дочерью предпринимателя-ювелира сулил материальную независимость. Теперь уже Нжде мог не бояться, что Врацян его «как Андраника оставит беспомощным бродягой». Пускай снова выгоняют из партии, или он сам уйдёт. Это произойдёт потом – в 1937 году... Зангезур научил Нжде быть «единственным, непререкаемым и незаменимым».

Он снова почувствовал неудержимое желание стать «хозяином и лидером». Правда, для этого нужно было выдумать какую-нибудь новую «идеологическую» наживку, дабы отличаться от партии Дашнакцутюн и обольстить полуобразованную молодежь, но это не пугало нашего «рыцаря»,

он умел держать речь... Вот так был создан «Цегакронизм», который должен был быть только его собственным и от него неотделимым. Диаспора желала нового «героя» – и вот он: Хуступский орёл, ужас турок, непобедимый спарапет (главнокомандующий) независимой родины.

Однако постоянно преувеличивавший свои возможности и ораторское умение Нжде ошибся в своих расчётах. Недолго продлилось восхищение диаспоры новоявленным спасителем. Даже имеющие особую слабость к «патриотическим» ораторам армянские колонисты вместо рыцаря, о котором он мечтал, увидели в нём только очередного пустозвона и ничего более. Похитить диаспору из-под носа у Дашнакцутюн оказалось трудным делом. «Почти из всех наших поселений беженцев обращаются ко мне с предложением посетить их страны с целью сплотить молодежь и присоединить её к движению Цегакрон, – пишет Нжде, – именно это стало причиной того, что партия Дашнакцутюн, боясь потерять свои позиции, враждебно относясь к любой новой силе, возникшей в армянской реальности, выступила против Цегакронизма».

Нжде большей частью прав, Дашнакцутюн, конечно, боялась потерять диаспору, монополия дурачить которую была только её, партия лишь так могла сохранить своё политическое существование и паразитировать под именем «армянского суда». Нжде и Дашнакцутюн пустили в дело все приемлемые и неприемлемые средства, для того чтобы компрометировать и изолировать друг друга. Их драка – драка только за возможность править диаспорой и более ни для чего иного. И Нжде проиграл. Он лишь смог собрать вокруг себя несколько десятков простаков и легковёрных юнцов «цегакронов».

Незадолго до ареста он выскажет своё горькое разочарование по отношению к диаспоре в насколько впечатляющем, настолько же несправедливом упреке: «Диаспора...Стыд тебе и позор!».

Несомненно, замысел показать Нжде, а затем Деведжяну Ереван был частью подготавливаемого шпионского сценария. Разумеется, великолепная столица Советской Армении должна была произвести сильное впечатление на тех людей, которые в последний раз видели Ереван более чем 30 лет назад. С высоты Монумента перед глазами Нжде открылась панорама нового Еревана – сама по себе неоспоримый и безоговорочный аргумент в пользу советской системы.

Один из руководителей службы госбезопасности Армении, сопровождавший Нжде, пишет об этом эпизоде:

«Нжде был удивлён красотой города, он прослезился. Мы поверили в его искренность...».

А сокамерник Нжде, Ованес Деведжян, рассказывает в своих воспоминаниях, что Нжде, вернувшись с прогулки по Еревану, не скрывал своего удовлетворения:

«Впечатления мои положительные, старый Ереван преобразился, стал неузнаваемым».

Вскоре Деведжян также получает возможность лично убедиться в этом.

А какими мотивами руководствовался Нжде, когда после ареста упорно и настойчиво предлагал свои услуги органам государственной безопасности, которые, в конце концов, решили попробовать – почему бы и нет? Нжде в своих показаниях и записях зачастую, неизвестно почему, считает

необходимым напомнить, что он – старый солдат – презирует смерть, что если он хочет жить, то только ради того, чтобы снова ринуться в пучину борьбы против Турции.

Нжде неизменно обращается к этому много раз используемому им доводу, как бы оправдывая то, что сдался живым. Нжде именно этим объясняет то, что остался в Софии, хотя, как пишет он сам, имел замечательную возможность уехать из Болгарии. Но опять же, согласно его «скромному» самоопределению, совершив «рыцарски-патриотический шаг», он остался, дабы предложить свою помощь советскому правительству:

«Я был уверен, что мой рыцарски-патриотический шаг – то, что я остался, – будет достаточным для того, чтобы заставить советские власти забыть о моём антисоветском прошлом... Жаль, Красная Армия не двинулась в сторону Турции». Интересно, почему Нжде решил, что Красная Армия должна двинуться на Турцию? Кто это сказал, когда это Красная Армия дала ему повод так подумать? Это, конечно, очередная маленькая хитрость Нжде, чтобы оправдать его подозрительную линию поведения и спасти лицо «рыцаря».

В словах Нжде о своих возможностях, мягко говоря, снова есть преувеличение. В сложившихся обстоятельствах, когда оказавшие большие или малые услуги нацистам видные деятели оказались в центре внимания антифашистов, Нжде уже, вероятно, было трудно уйти. Во всяком случае, у Нжде было не больше возможностей, чем у Геринга или Муссолини (между прочим, Муссолини был казнён, а Геринг покончил с собой в тюрьме). И далее интересно, что Нжде говорит про «рыцарское» решение остаться в Софии, а не про сдачу советским военным властям.

Согласитесь, что это разные вещи. Позвольте нам настоять на том, что он остался в Софии, потому что не смог уйти. В «рыцарство» Нжде, правда, с трудом можно было бы поверить, если хотя бы он самостоятельно явился к командованию советских войск или в отделение болгарской народной милиции и сказал: «Я – Гарегин Нжде...». Автор мемуаров на русском языке «КГБ Гарегина Нжде» В. Овсепян, когда был ещё молодым капитаном КГБ, имел возможность лично общаться с Нжде и говорит о нём с подчёркнутой симпатией. Но это не то, что делает его работу примечательной, посвященные Нжде плоские дифирамбы характерны для нашего времени, мы уже привыкли к ним. Для нас важны представленные в книге неопровержимые документы, которые вызывают заслуженную признательность в отношении автора мемуаров.

В книге мы находим следующий отчёт подполковника КГБ СССР Гургена Агаяна: «Как только приблизились советские войска, Нжде ушёл в подполье. Некоторое время он скрывается в городе Панагюриште, в доме ковродела Бедикяна. В преддверии 9 сентября (в этот день войска вошли в Софию – А.А.) переместился в город Пловдив, где жил в гостинице «Коммерциаль», после снова вернулся в Панагюриште, отсюда на автомобиле Бедикяна отправился в Софию, где и был задержан». Всё это создаёт впечатление, что Нжде всё же старался найти выходы из Болгарии.

Он, по всей вероятности, пробовал скрываться, должно быть, просил знакомых и близких помочь ему в этом вопросе, но, видя, что все думают только о спасении собственной головы, что он больше никому не нужен, отчаявшись, вернулся домой и вот здесь-то сочинил свою известную историю «непонятого и неоценённого рыцаря»:

«Не покинув Софию, я проявил высочайший патриотизм... я не думаю, что найдутся многие, кто поступил бы так же, как я».

Ясно, конечно, кто ещё может, кроме него, только он – единственный, несравненный, неповторимый...

Уже с сентября 1941 года бойцы болгарской народной милиции повсюду искали местных нацистских наёмников. Примирившийся с судьбой, брошенный всеми, забытый и огорчённый «рыцарь» понимал, что пришёл час расплаты. Но он, подобно назарянину, непоколебимо остался в своём Гефсиманском саду. Но все ли понимали и ценили самоотверженность и мученичество «рыцаря»? Не все. Известно, что у каждого народа есть свои подонки, и армяне, что поделаться, – не исключение.

Он создал «Цегакронизм» для спасения диаспоры от «духовного краха» – опять не оценили эти недостойные: «Безродная и пораженческая часть армян замышляла козни против меня... Я прощаю всех...». Уметь простить, конечно, приличествует великодушному рыцарю, особенно, если не можешь покарать, но стоит сказать пару хороших вещей про этих «неблагодарных предателей».

В его записях, сделанных в последние дни свободы, читаем:

«Извечно омерзительны рабы, которых всегда использовали внешние силы для утоления своей бессильной злобы и для уничтожения среди соотечественников своих «врагов». Но националисты, которые только номинально таковы, не менее отвратительны. Своей базарной моралью эти существа опустились до уровня скота. Знакомые, друзья, родственники – никто тебе не откроет дверь, даже если с крестом назарянина на твоей спине и терновым венцом на окровавленном челе попросишь защиты у них. Забыли, все забыли, что только благодаря моим усилиям избежали судьбы евреев, все четыре года все они только богатели и богатели. Те, кто ещё вчера искали твоего взгляда и твоего «привета», сегодня также избегают твоего имени и твоей тени... Диаспора, ты снова заставила меня пережить трагедию бесчестия! Позор тебе и стыд!».

Девиз «непонятого рыцаря» он будет повторять ещё много раз, как в письме Сталину, которое также не дошло до адресата. Мы представим это письмо позже. Советские чекисты, конечно, не придавали серьёзного значения бесхитростным объяснениям Нжде и его забавным «геополитическим» поучениям, они имели свою цель, про которую уже говорилось выше. И так, что же оставалось делать Нжде после того, как его «по-рыцарски» сидящего дома арестовали и отправили в СССР? Ему оставалось ждать приговора суда, а этот приговор мог быть страшным. Страна, пережившая потерю миллионов своих чад в войне, с полным правом могла расстрелять Нжде без следствия, без суда и приговора как гитлеровского денщика, и это было бы справедливым и понятным. Нжде знал это.

С его ареста до вынесения судебного приговора прошло почти четыре года. на протяжении всего этого времени возможность быть расстрелянным представлялась совершенно реальной, и в продолжение всего этого периода Нжде всячески заверял в кардинальном изменении своего отношения к советской власти, в том, как и почему он из заклятого врага советского строя превратился в апологета и друга этого строя. Пересмотр и переосмысление личных взглядов, в целом, нормальное явление для каждого человека, и в этом нет ничего предосудительного, более того, это даже похвально. Но в этом случае становится важна побудительная причина, цель, искренность. Уже сказано, что Нжде всё это объясняет своим единственным патриотическим стремлением и страстным желанием увидеть Турцию побеждённой. И это страстное желание воплотить в жизнь может только советское государство.

В недалёком прошлом, до ареста, с такой же мечтой Нжде предложил свои услуги германским нацистам, но в то время жизнь заключенного, ожидающего

расстрела, ему была ещё незнакома. Кажется, что Нжде в обоих случаях не лжёт, как во время службы у немцев, так и в советской тюрьме, в обоих случаях как будто мотив – неудержимое желание бороться с Турцией. Но, конечно, в этих в целом и коренным образом различающихся ситуациях его цели были различны. Теперь давайте вспомним ещё один документ, это так называемый протокол резолюции Общезангезурского съезда делегатов 69-ти сёл, состоявшегося в Татеве 25 декабря 1920 года. Но сначала скажем, что в это время на основной территории Армении утвердилась советская власть. Вскоре большевики присоединили к Советской Армении Лори, который ярые «национальные патриоты» ещё 13 ноября 1920 года, согласно официальному договору, щедро уступили меньшевистской Грузии. Немного позже большевики вернули Армении также Гюмри.

Но давайте вернёмся к вышеупомянутому документу. В четвёртом пункте протокола читаем:

«Съезд единогласно решил пригласить своего освободителя, своего героя Нжде как Сюникского спарапета (полковнца), и, бурным рукоплесканием голосуя за него, свою судьбу вверяет ему». Съезд, объявив единственным своим врагом советскую власть, провозглашает себя отделённым от Советской Армении. Итак, враг известен, это – Советская Армения. А какими будут контакты и отношение к соседям – жителям Сюника, провозглашенного самостоятельным 118-ю представителями 69-ти сёл и, конечно, «освободителем и героем» Нжде? Шестой пункт протокола поясняет: «Отношение Зангезура к правительству Азербайджана будет дружественным, но оно пока что не может установить тесные отношения с Азербайджаном, пока взаимное доверие между двумя соседними народами не будет искренним». Давайте вспомним, что Азербайджан тоже был советским.

Теперь про отношение к туркам, которое оглашено в том же шестом пункте:

«Взаимоотношения Зангезура с его соседями-турками свыше трёх лет, благодаря внешним провокациям и политическому вмешательству, были враждебными, с сего дня съезд полон надежд, что эта неуместная вражда между двумя многовековыми соседями закончится, давая место тесной дружбе».

Съезд также выражает свои дружеские чувства Персии. Как было сказано, единственным врагом Сюника и Нжде была Советская Армения. Значит, с Советским Азербайджаном можно было подружиться.

С турками тоже нужно было сдружиться, забыв «неуместную вражду», но только с Советской Арменией необходимо было бороться, разрушать, уничтожать, с ней дружить было нельзя, потому что это означало присоединить Зангезур к родине, но это означало бы потерять власть, личную неограниченную власть. Здесь, в Зангезуре, Нжде был не только спарапетом (главнокомандующим армией), здесь он был самовластным, мог миловать и карать, здесь он «царь и бог», а кем бы он был в условиях советского строя? Честолюбие и властолюбие, которые порой доходили до курьёза, стали основным мотивом его поведения, который и привёл его к немцам.

Гитлеровцы не давали никакого повода Нжде считать, что они ведут какую-нибудь подготовку против Турции. Зачем им это было нужно? Или же немцы были столь глупы, что вместо привлечения Турции на свою сторону, наоборот, были очарованы несколькими армянскими авантюристами и окончательно оттолкнули бы от себя турок, бросили бы их в лагерь противников, тем самым создав новый фронт против себя? В самом деле Нжде был столь наивен, чтобы предположить, что он вербует группу армян для

использования их против Турции, а немцы, оставив все свои заботы, тренировали эту беспорядочную массу и заботились о его расходах только для того, чтобы храбрый Нжде отправился и освободил свою историческую родину?

Позже, в советской тюрьме, Нжде расскажет, насколько он был разочарован в нацистах, когда те нескольких человек, завербованных им, вместо подготовки против турок, забрали у него, передали «предателю родины Дро» и отправили в Крым против Красной Армии. План военных действий против Турции при поддержке немцев существовал только в воображении Нжде. Или, что более вероятно, Нжде делал вид, будто поверил, что это произойдёт, было удобно так притворяться. В первые годы войны многие были уверены, что она завершится очень быстро и непременно победой немцев. Нжде тоже поспешил броситься в лагерь «победителей», дабы в будущем стать единственным и неоспоримым лидером армянского народа, вождём племени... Потёртую игральную карту борьбы против Турции Нжде потом использует ещё, на сей раз уже для объяснения, почему он предложил свои услуги советской госбезопасности.

Ну, конечно, он, Нжде, – рыцарь, а рыцарю не пристала такая человеческая слабость, как страх смерти. Его желание только расправа над Турцией, кто ещё, если не он? То, что не удалось с помощью немцев, удастся вместе с победоносными Советами. И в советской тюрьме слабость к славе не оставила его, правда, теперь уже болезненное самолюбование «рыцаря» и синдром собственной исключительности получали более забавные проявления, особенно на фоне того бедственного положения, в котором он оказался.

Продолжение статьи

Читать статью на армянском

Автор: Ашот Абгарян

Перевод: Рубен Мхитарян

Оригинальная статья